

Мастер смеха

Тр. Д. М. 12-К-1933

ТАК ТРУДНО, имея шесть лет от роду, избежать соблазна малящей, сверкающей спиралью карусели. Сколько зовущей романтики в золоте огней, блестях, музыке! Мир волшебного, неведомого, такой отличный от серой, будничной, жизни дома.

Человек, 30 лет вдувший спину в забоях шахт Парамоновых, умер. У Витки не стало отца. А карусель, по-визывая на противных шарнирах, вертелась попрежнему. На ярмарке, рядом с каруселью разбили балаган. Тут происходило уже совершенно непостижимое. Люди, покрытые лоснящейся чешуей трико, отправляли в свой желудок живых лягушек и, безумно вращая белками глаз, жевали старые галоши. Играли музыка, слепило желтое солнце керосиновых лам. Под брезентовым куполом, позвонув вниз головой, качался человек, а главное—хочущий клоуна, такой смешной, забавный и всегда радостно-веселый счастливцев.

Каждый день Витка отшлепывал босыми пятками, много верст, отделивших шахтерский поселок от ярмарки. Ему повезло. Владелец балагана дал ему первое ответственное поручение—отгонять любопытных малышей, точно пчелы облепивших все щели брезентового шалита.

Но наступил день, когда Виталий шагнул в искусство. На него нахлобучили непомерно большие шаровары, нацепили парик, вымазали мелом лицо, и пустили на раусы, звать публичку. Делал он это добросовестно, до хрипоты надрывая свой зренический детский голос и остервенело отбивая дробь на маленьком барабане. Гасли огни балагана. Кончалось веселье. Надо было отправляться домой. Здесь была грусть, разрывов материю до бедности.

Путалась цирка Лазаренко. Бабы рассказывали страшное: детям растягивают руки и ноги, парят в горячем молоке, ломают кости для гибкости. Нужда пересилила жалость. Красными сургучными печатями скрепил нотариус договор, по которому Виталий переходил на 8 лет в учение к владельцу брода цирка Котлякову.

Цирковое искусство Лазаренко начал познавать на кухне между чистой картошкой и мытьем посуды. Подождав взрослым артистам, он пытался стоять на руках. Иногда в свободную минуту его учили подтягиваться на трапедии, висеть на носках, делать «солнце». Однажды Виталий втиснулся в узкое круглое трико, поверх одели голубые, цвета майского неба, трусы, и впервые он оказался на манеже. От него не требовали многого. Важно было дать побольше номеров, заполнить кудую программу брода цирка. С этого дня трио—Виталис, Дуниан и Григорас (или, проще, Витка, Душка и Гришка) под баюкающий аккомпанимент вальса «Ожидание» удивляли неприхотливых любителей цирковых трюков. Время учить. Выступать приходилось по 3-4 раза в день. И к 9 годам Виталий умел делать «диру» на трапедии и не плохо знал партерную акробатику. Труднее было другое—обойти ряды равнодушных зрителей, собирая «трингель». Это тоже искусство—терпеливо ждать, пока кто-нибудь бросит медную монету в протянутую тарелку. Были еще обязанности: сбегать на рынок за продуктами, тутим клеестером расклеить на заборах афиши, заправить 40 тяжелых лам «молнии». Что значили подзатыльники расстрелявшего Котлякова или пинки в шиды его сына Григораса, если впереди была цель? Виталий хотел знать как можно больше. И его знаний было достаточно для того, чтобы заполнить целую цирковую программу. На грязной, толстошлой лошади «Мон-плезир» он делал сальто, прыгал через обручи, показывал самые сложные жонжерские трюки: волтыж и гротеск. Партерная акробатика пригодились ему для работы в паре с Григорасом—номер, который в программе интригующе именовался: «Китайский стол. Братья де-Пари». Вывертывая носки, Виталий таял мател. В красном парике, с неправдоподобно большим носом, смешив публику гримасами и нелепыми движениями. Он работал на бамбуке, бегал на кодулах, принимал самые невероятные положения на турнике и... прыгал Прыжки и Лазаренко—неотъемлемое, и в арсенале своих цирковых жанров он сам считает прыжки лучшим номером. Взять от тела всю его мускульную энергию, бросить его распушенной пружиной ввысь—это умеют делать единицы. С «багута»—нехитрого сооружения, сколоченного из простых досок, в первый раз оттолкнулся будущий «король прыгунов», с него же он делает свои изумительные сальто через 10 лошадей и теперь.

35 лет
артистической
деятельности
Виталия
Лазаренко

Искусство владеть телом пришло к нему сразу. Каждый метр—годы непрерывной тренировки, годы постоянной работы над телом.

В цирковом искусстве кто не падает тот не становится на ноги. Перегнанный канат, прохля подвешенная трапедия, слабо затянутый ремень подседельника решают человеческую жизнь в цирке. Падая Виталий с лошади, мешком плелся на мокрый песок арены, орываясь с покрытого ледяной корой турника.

Падения, ушибы—прошлое. Первая ступень цирковой школы кончилась. Кончилась и нотариальный контракт между хозяином цирка и матерью Виталия. Он больше не чистил картошку. Пошли новые города, новые цирки, новые хозяева: Перриэль, Саббота, Труцци, Никитины. Менялись цирки, менялись жанры. Вчерашний наездник, акробат, музыкальный эксцентрик стал «рыжим». К силе тела прибавилась сила слова. Одно дополняло другое. Солоклоун, сатирик, прыгун Лазаренко сумел взять от каждого жанра ступень лучшего. Он перешел их в одно целое. Рыжие вихри цирка, белая маска смеха были только витриной для слова. Нарочито смешное в costume только помогало остроте злободневной репризы. Вынося разговорный жанр на арену, Лазаренко все же оставался мастером цирка, а не эстрадным. Постановил мировой рекорд—сальто через трех словцов—он продолжал быть веселым шутником, беззаботным гаером, потешающим и учившим хлесткой рифмованной фразой.

У Лазаренко сохранилась тетрадь, куда он заносил некоторые свои репризы. Эти репризы дали ему любовь галерки и ненависть лож. Галерка восторженно неистовствовала, приветствуя смелое слово, а лож пожимался, хмурился. Руки, покрытые мозолями, бешено аплодировали, а плечи, сдавленные эполетами, злобно подергивались. Бывало хуже, когда разъяренный градоправитель, брызгая слюной, требовал немедленной высылки непотоптательного клоуна «из вверенных владений». Шле бы! Разве могли перенести верноподданнические чувства оскорбления всех устоев великодержавия!

Как прикажете поступить, если «рыжий» спрашивал: «Что общего между золотыми часами и казаками?» и тут же отвечает: «Когда были погромы, казаки стояли на часах. Кончились погромы—часы оказались на казаках».

Что нужно сделать, если «рыжий» придирався, сравнивает гласных думы с сардинками по тому признаку, что у тех и у других нет головы.

Разговоры в таких случаях бывали коротки: «Выслать в 24 часа из пределов...». Высылали из Юзовки, Таганрога, Алчевска, Харбина, Запорожья. В 1909 г. полицеймейстер Оренбурга два раза штрафовал Лазаренко, а когда и это не помогло, предлагал: «Выслать из высказанные им взгляды на русскую конституцию».

А Лазаренко смеялся и прыгал, прыгал и смеялся, каргетью бросая звонкие рифмованные шутки, начинавшие весельем, злой иронией, хлесткой и неприятной кое-кому правдой. Он—уже большой артист, дма которого умножает доходы владельцы цирков. Его приглашают, добиваются. К своей энциклопедии он прибавляет еще один жанр—артиста кино. Но всегда и везде он прежде всего циркач, заразительно хочущий клоуна, с ворохом прибауток, каламбуров, шуток, близких и понятных «простым» людям, которым Лазаренко посвящал свое искусство.

Его девиз—смех. «Кто не смеется,—тот не живет», повторяет он всегда, и старается, чтобы тысячи, кольном окружающие арену, тоже смеялись. Таким он пришел и в революцию. Ей и тем, кто ее творил, он радостно принес все свое искусство. Не тем, кто встретил революцию в белых перчатках с алыми бантиками в петлицах фраков и мундиров, а посетителям галерки, его старым друзьям, которые утверждали своими руками право на власть и свободу. Не даром какой-то репортер в журнале «Новости сезона» в сентябре 1917 года с брезгливой гримасой писал:

«Большевистски настроенный артист Лазаренко выступает с монологом, зашитающим соплат-дезертиров. В программе—подпавивание под вкус демократической публики».

Нет, Лазаренко не подлаживался. Иначе его бы не встретили с теплой искренностью люди в сапогах, в серых, помятых шинелях и кофеворотках. Иначе его бы не видели в годы гражданской войны на фронте, а потом—на заводах. Иначе он не носил бы почетного звания «народного шута».

Один из историков буржуазного цирка назвал клоуна «философом арены». «Трудно показывать людям их собственную глупость»,—добавил он. Превращая клоуна, преследовавшего одну цель—то что бы то ни стало рассмеять зрителя—пользовалась для этого довольно примитивными средствами, подавая нарочито шаржированно обрзаны человеческого тупоумия, нелепость поступков. На этой школе воспиталось много талантливых клоунов. Но эта школа отмирает. Смех рада смеху, пустозвонное зубоскальство стали уже ненужными. Новый зритель ждал от «философа» советского пирака не только развлечения, но и бойкой зарядки острым словом, умным, осмысленным смехом.

Выпестованный народным балаганом, вышедший сам из народа, которому он посвятил свое искусство, Лазаренко первым из циркачей понял это. Поэтому так горячо встречала его красноармеец на фронте и в казарме, рабочий на заводе, поэтому так гудко и раскатисто смеются при его появлении на арене. Он берет плохое и хорошее, умное и глупое, смешное и печальное и лепит из этого свое творчество. Он хлещет словом гаденское, липкое нутро вредителя, вора, рвача, бюрократа. Он высмеивает дурное и превозносит радость труда. Он «делает» смех из каждого факта. Смех и слово, подкрепленные выразительным телом и мимикой, расщепленные разнообразными средствами циркового искусства, создали Лазаренко заслуженную любовь рабочего зрителя.

Недавно Лазаренко наградили почетным званием ударника Магнитострой—наградили за то, что своим изобретательным мастерством артиста и он внес частицу в создание гиганта большевистских дел.

Прошло 35 лет с того дня, когда Виталий Лазаренко впервые стал на раусы в цирке Котляковых. Но самые яркие—это последние годы его творчества, годы, когда он нес в массы смех большой радости, смех уверенности в своих силах, в силах победившего класса.

У Лазаренко есть анкета. В ней последнему вопросу: «Род занятий» стоит ответ: «Служу революции», а в графе: «Основная профессия» — «Смех». Так он сам определял свое место в жизни.

Браво, Лазаренко!
АР. ЖИВОТОВСКИЙ.